

Лекция №23. Постмодернизм.

План:

1. Истоки постмодернизма
2. Философы постмодернизма: Жак Лакан
3. Жиль Делёз (1925- 1995)
 - Жак Деррида
4. Морис Мерло-Понти
 - Жорж Батай
 - Мишель Фуко
5. Ричард Рорти
6. Деннет
7. Джон Сёрл
 - Дэвид Чалмерс
8. Пинкер

1. Истоки постмодернизма

Считается, что первым термин «постмодернизм» употребил — как уничижительную характеристику человека декаданса — Р. Панвиц в работе «Кризис европейской культуры» (1917). В современном значении — как обозначение специфики культуры периода после Второй мировой войны — он появляется в работе Ч. Дженкса «Язык архитектуры постмодернизма» (1975) для определения всеядности архитектурного стиля, появившегося в конце 60-х — начале 70-х гг. Затем термин распространяется на изобразительное искусство как легитимация эксперимента с цветом, формой и даже жанром, на литературу как констатация появления «нового романа» и его влияния на стилистику художественного текста. Но главным оказывается принципиально новый подход к субъекту культуры — нет предданного, «готового» зрителя или читателя, как нет и неизменного, «культового» автора. Основные категории теории культуры размываются, само понятие культуры оказывается предельно общим, не считая нужным выделять ни концептуальное, ни ценностное ядро. Общество, культура, словами Ж. Деррида, «децентрируются». То, что было в центре искусства модерна — субъективное, — тоже понимается как изменчивое и относительное. Субъект «наименовывает» себя в процессе общения, восприятия и экспрессии. Самоидентификация субъекта — то, что для традиционных концепций было условием существования и понимания культуры, — в постмодернистской перспективе оказывается исходным мотивом. И как со времен Вавилона нет единого языка (один из любимых образов философа постмодерна Ж. Деррида), так нет единого способа самовыражения: как писал Р. Барт, «число языков равно числу желаний». Поэтому нет и не должно быть одного метода, стиля.

В постмодернизме нашло выражение общее состояние духовной культуры западного общества – падение престижа науки, утрата веры в социальный прогресс, дегуманизация общественных отношений.

В философии постмодернизм представлен именами Жака Лакана, Жака Деррида, Жоржа Батая, Жилия Делеза, Жан-Франсуа Лиотара, Ж. Бодийера и др. Постмодернизм складывался под влиянием многих течений: прагматизма, экзистенциализма, психоанализа, герменевтики, аналитической философии и даже феминистского движения. Однако постмодернистская мысль скользила по краям названных философских течений, не принадлежа полностью ни одному из них.

Делез в работах «Ницше» (1965) и «Логика смысла» (1969) показал, что философ-постмодернист исследует поверхностный слой событий и смыслов не сводимый ни к глубинным субстанциям, ни к высоким идеям. Понятие поверхность (резомат) становится главным в их словаре.

Постмодернисты низвергли идеи, как верховную причину осмысленного бытия, отказались от употребления всех главных понятий, обосновывающих такое бытие: Бог, душа, Я, внешний мир и т.д. Они признают власть локальных беспорядков и случая, видят себя в одном ряду не с религией и наукой, а с политикой и искусством. Философы-постмодернисты являются представителями номиналистической культуры. Номинализм – учение, согласно которому существуют только единичные вещи, а общие понятия – универсалии есть творения ума, которым в реальном мире ничто не соответствует. Его начало восходит еще к кинику Антисфену (444-368 гг до н.э.). То, что выражено в слове, предложении, не существует вне последнего. Ни одно описание мира – научное, философское, религиозное, политическое и т.д. – не является точной репрезентацией (представлением) мира, каков он сам по себе. Таков смысл этой демаркации (установления границ). Постмодернисты заявляют, что идея репрезентации лишена всякого смысла.

Номиналистические установки постмодернистов сформировались под влиянием не только античного кинизма, но и философии языка, активно разрабатываемой такими философами и лингвистами, как Ф. Ницше, Ч. Пирс, Э. Сепир и Б. Уорф, М. Фуко, Ф. де Соссюр и др. Так, например, лингвист Ф. де Соссюр постулировал произвольность связей между словом и предметом, знаком и означаемым. М. Фуко провел генеалогические исследования в области социального конструирования языка. Э. Сепир и Б. Уорф утверждали, что язык формирует наше восприятие действительности. В итоге сформировалось убеждение, что человеческий познавательный опыт заранее проструктурирован языком, который не связан с действительностью, а потому любое знание есть исторически обусловленный результат языковой и социальной практики людей.

Постмодернисты отказываются признавать значение гносеологической проблематики, пересматривают понятие истины или вообще отказываются от него. Отказ от истины дополняется отказом от законодательного разума, под влиянием которого развивалась философия и культура Европы, начиная с 17 в. Разум открыл методы постижения истины и признавал научную ценность только тех исследований, которые отвечали требованиям этого метода. Постмодернисты видят вину разума в том, что он

«унифицировал истину насилием», использовал приемы, к которым традиционно прибегали церковь и государство.

Они объявляют претензии разума на познание истины гордыней и ложью. Сводя свои умствования к примитивной сексопатологии Деррида в статье «Шпоры: стили Ницше» пишет, что истина имеет фаллоцентристскую окраску, и «мужчина-ученый делает то же самое, что мужчина любовник: он скрывает покрывало, завесу с женщины-природы, получая удовлетворение своих желаний. А открытие Л. Иригарэ состоит, в том, что, как он считает, на смену фаллическому символизму должен прийти вагинальный.

Постмодернисты оставили за знанием право на толкование текстов, сиюминутную, земную, повседневную практику. Постмодернизм исследует текст, как это уже принято в философии XX в., но не в том альтернативном аспекте противопоставления объективного — субъективному, замысла создающего текст — позиции воспринимающего, а с точки зрения естественного единства того и другого. Обыденное мышление в отличие от научно-теоретического не использует категории «истина», «сущность», «субстанция», «причина» и другие, поэтому не возникает вопросов о причинах бытия, необходимости к глубоким обобщениям и теориям. Постмодернист Барт утверждает, что он извлекает наслаждение из «зрелища обыденности» и его не волнует величие таких ценностей, как «Истина, Смерть, Прогресс, Борьба, Радость и т.п.»

Меняется и статус философии: постмодернистская «парадигма» философии парадоксально оказывается началом разрушения парадигмального способа мышления. Философский постмодерн ориентирован на гносеологический и эпистемологический (теоретико-познавательный) релятивизм (относительность), то есть относительность всякого знания и самого процесса познания. Основные его принципы таковы: объективная сущность – иллюзия; истина неоднозначна и множественна; обретение знаний есть бесконечный процесс пересмотра словаря; действительность не есть данность, она формируется под воздействием желаний и поступков; конструкций реальности может быть сколько угодно и ни одна из них не является окончательно истинной; человеческое познание не отражает мир, а интерпретирует, истолковывает его, причем ни одно истолкование не имеет преимуществ перед другими и т.п.

Современный исследователь постмодернизма Р. Тарнас отмечает, что постмодернистские выводы об отсутствии твердого основания у мировоззрения привели к возникновению «смятения перед лицом бесконечного релятивизма и экзистенциальной конечности», «плюрализма на грани удручающей бессвязности».

Тексты философов-постмодернистов не привычны для читателей. Они считают, что логика и грамматика искажают мысли, поэтому могут быть нелогичными и бессвязными или попросту бессмысленными. Они выразили мировоззрение свободное не только от веры в Бога, но и в человека, науку, истину и духовное развитие. Следование животным инстинктам их идеал.

А. Солженицын называет их философию «натужной игрой на пустотах», перспективы которой «безжизненны». Французский автор Р. Барта характеризует постмодернизм, как «пустое в интеллектуальном отношении», «софистичное в вербальном», «опасное в моральном», «обязанное своим успехом «одному только снобизму» «маньяков расшифровки, воображающих будто и прочие люди рассуждают о литературе с точки зрения Каббалы, Пятикнижия или Нострадамуса».

Итак, философы-постмодернисты выразили мировоззрение, свободное от веры в Бога, науку, истину, человека и его духовные способности. Они интеллектуально осмыслили ситуацию разочарования во всякого рода квазибожествах, пришли к убеждению о бессмысленности поклонения человека чему-то или кому-то. Предложив способ жизни, где все, начиная от языка и кончая формами совместного общежития, лишается бытийного основания и объявляется продуктом случая и времени, **постмодернисты сформировали интеллектуальную культуру, смысл которой в окончательном разбожествлении мира** (термин принадлежит Р. Рорти).

Философский постмодернизм имеет последователей и в России. Но по мнению, например, марбургского слависта М. Хагемайстера, здесь постмодерн должен «встретить сопротивление со стороны исконно русской тяги к поиску Абсолютного». Он высказывает предположение, что на смену постмодернизму, разрушившему все табу, смешавшему все в игровом задоре, использующему «исторические аллюзии цинично, смеясь», придет «время метафизики, иерархий... время Абсолюта».

Крах советской системы привел к отрицанию классового подхода в философии, истории и политике, но классы никуда не делись, их интересы налицо, антагонизмы не разрешены, и имущие думают, как сохранить свои миллиарды. Борьба за власть продолжается. Проще всего ее сохранить, сделав массы дебилами. Вот откуда термины «массовая культура», «массовое искусство» унижающие достоинство человека, вот для чего нужна философия Ницше, призывавшего загнать стадо в стойло.

Нигилизм – получил свое дальнейшее развитие, названное заумным словом – постмодернизма. Он утверждает абсолютную свободу. Ему мало разрушить любовь и семью, он идет дальше, разрушая церковь, государство, истину, науку, разум, язык и в конечном счете всю культуру, проводя оскотинивание человечества. Ищи поило в корыте под ногами и не смотри в небо. Постмодернизм реализует желание сильных мира сего отвлечь массы от социальных противоречий и предотвратить социальные взрывы, отняв у большинства людей способность логически мыслить, сопоставлять, делать выводы. По этой причине он отрицает существование вечных ценностей, совести, истины и справедливости.

2. Философы постмодернизма

Жак Лакан (1901-1981)

Французский психоаналитик и философ, представитель «структурного психоанализа». Лакан в основном работал с практикующими

психоаналитиками и был занят выработкой специфического языка, который, оставаясь формой всеобщности, мог бы выражать интимные желания пациентов. Взгляды Лакана находились в постоянном изменении, в основе его размышлений лежала схема «Реальное – Воображаемое – Символическое». Человек в его работах это изначально расщепленное трагическое существо, для которого всегда недостижимы объекты желаний. Лакану принадлежит утверждение существования женского наслаждения, которое он называет нефаллическим. Женщина может испытывать наслаждение сама, без мужчины или в мистической связи с Богом. Идеи Лакана были подхвачены феминистками.

Лакан был исключен из Международной психоаналитической ассоциации и создал свое общество, влияние которого на практикующих психоаналитиков распространилось на Францию, Великобританию и США. Но гораздо более мощное влияние идеи Лакана оказали на всю философскую мысль второй половины XX в., затрагивая самые разные направления гуманитарного знания: литературоведение, психологию, методологию науки, историю, культурологию, политические науки.

Алан Сокал и Жан Брикмон в своей книге «Модная чепуха» критикуют ту вольность, с которой Лакан оперирует терминами, заимствованными из различных областей математики, таких как, например, топология, обвиняя его в «поверхностной эрудиции» и злоупотреблениями научными понятиями, которые он, в сущности, не понимает. Другие же критики отвергают работы Лакана полностью, не ограничиваясь акцентами на несостоятельности и противоречивости использования математической терминологии. Франсуа Рустанг отзывается о текстах Лакана не иначе как о «бессвязной системе псевдонаучной тарабарщины» и приводит цитату Ноама Чомски, в которой тот описывает Лакана как «забавного и сознательного шарлатана». Дилан Эванс, некогда психоаналитик-лаканист, впоследствии отказавшийся от лакановского психоанализа по причине отсутствия какой бы то ни было научной обоснованности, а также потому, что, по его мнению, лакановский психоанализ скорее вредит, нежели помогает пациенту, — критикует отношение последователей Лакана к его труду как к своего рода священному писанию. Историк культуры Ричард Вебстер подвергает критике неясность текстов Лакана, высокомерие, по его мнению, произросшее из «культа Лакана». Ричард Докинз в рецензии к книге Сокала и Брикмона «Модная чепуха» в связи с Лаканом говорит: «На мой взгляд, философ, приравнивающий эректильный орган квадратному корню из минус единицы, полностью теряет доверие, когда дело доходит до вещей, о которых я не имею вообще какого бы то ни было представления».

3. Жиль Делёз (1925- 1995)

Жиль Делёз - профессор в университете Парижа покончил жизнь самоубийством. Совместно с Гваттари написал широко известную книгу «Капитализм и шизофрения». Делёз выступает против классического рационализма и метафизики. Для людей он придумал новое название – **номадические (кочевые) сингулярности (одинокый) или кочевые**

одинокости, которые бродят по миру в хаотическом беспорядке. (Перекачиполе)

В книге «Капитализм и шизофрения» они развивают «метод шизоанализа» максимально подходящий для современного общества. Современная социокультурная жизнь с точки зрения Делеза имеет два противоположных полюса – шизофрению и паранойю, причем первая оценивается исключительно позитивно, а вторая негативно.

Философствующий мыслитель по мысли Делеза должен противостоять власти во всех ее формах. (Перед нами вновь нигилист-разрушитель.) Он считает, что существуют бессубъектные «машины желаний» (микросоциальности) отдельные люди, которым противостоят «социальные машины» - семья и государство (макроуровень) и которые, следовательно требуется выводить из строя. (Мое.Лжеанархизм.)

Обычное время для Делеза не подходит, он делит его на два вида. Одно – Хронос - настоящее, а другое – Эон - прошлое и будущее.

Человеческое желание представлено как базисное, производительное.

Как деятельная сила, желание развертывается как воля к власти, реализуясь в порядке, устанавливающем отношения в обществе. Само по себе желание противоречиво и может предстать и как реактивная сила, как желание угнетения и ложное сознание, сознание вины. Ключом к пониманию современного состояния капитализма становится идея буржуа, являющегося «рабом самого себя». «Шизофрения как процесс — производство желания, предстает как предел социального производства, условия которого определяются капитализмом.

Делез в работах «Ницше» (1965) и «Логика смысла» (1969) показал, что тип постмодернистского философствования и образ философа-постмодерниста имеют свою специфику, которая заключается прежде всего в признании существования событий и смыслов, принадлежащих автономной поверхности, не сводимой ни к глубинным субстанциям, ни к высоким идеям. В истории философии, считает Делез, доминировали два образа философов: один из них ярко представлен Платоном, другой — Ф. Ницше. Платон ввел в культуру образ философа-путника, «восходящего ввысь» в царство чистых Идей. Философская работа мыслилась как «движение навстречу высшему принципу, определяющему само это движение — как движение самополагания, самоисполнения и познания». Поэтому философствование было тесно связано с моральным очищением, с аскетическим идеалом.

Делез буквально повторяет рассуждения Ницше, который также считал, что «аскетический идеал долгое время служил философу формой проявления, условием существования», и философ вынужден был представлять этот идеал, «верить в него же, чтобы быть философом». Объявив любовь к мудрости главной целью своей жизни, философы стали с помощью мысли судить жизнь с позиций высших ценностей: Божественного, Истинного, Прекрасного, Благого и т.д. По мнению Делеза, высшие ценности

— это «тяжести и груз», которыми философы после Сократа «добровольно и утонченно» поработили себя на века.

Ницше сформировал иной образ философа, отвергающего диктат высших идеальных ценностей и разума. Ориентиром для философа ницшеанского типа становятся не идеальные сущности, а потаенные глубины, склонность странствовать «по запретному». Разум обозначил границы «запретного»: это прежде всего — инстинкты, секс, безумие, бессознательное, тюрьма, инцест, антропофагия и др. Ницше был уверен, что его философия «некогда победит» в силу того, что в ней дан «долгий опыт» его личного «странствия по запретному», опыт утверждения инстинкта, а не разума в качестве творческой силы. Но хотя Ницше критиковал Платона и Сократа, он, по мнению Делеза, не вышел за пределы предложенной ими парадигмы философствования: он, как и они, исходил из необходимости осудить «поверхность», но только «с новой точки зрения — взгляда из глубины».

Историческое время сформированных Платоном и Ницше образов философа прошло. Возник, утверждает Делез, некий третий образ, связанный с переориентацией мысли, которая в своих рассуждениях больше не опирается ни на высоту Идей, ни на глубину инстинктов (и других «запретных» субстанций). Низвергаются не только Идеи, как верховные причины, но и абсолютные глубины, спрятанные в телах и мыслях. Там, где нет ни глубины, ни высоты, господствует самодостаточная и автономная «поверхность».

Третий образ философа, считает Делез, не является абсолютно новым: античные киники и стоики дали образцы мысли, не признающей ни глубины, ни высоты. Они учили, что все в мире является смесью тел, проникающих «друг в друга мельчайшими частицами через незримые поры», и не существует ни трансцендентной, ни имманентной высшей меры, которая позволяла бы оценивать эти смеси в понятиях «лучше-хуже». Все равноценно в мире, а потому не существует иерархии ценностей: нет «верха» и «низа», морального и аморального, высокого и низкого. Каннибализм, инцест, антропофагия — такие же события, как трезвость и целомудрие. Все дозволено. «Философ теперь не пещерное существо и не платоновская душа-птица, а плоское животное поверхности — клещ или блоха», — так характеризует Делез «третий» образ философов. Их философствование он называет «извращением», сменившим «маниакально-депрессивную» форму платоновского идеализма и «шизофрению» досократической философии.

Ницше и Фрейд наметили определенную стратегию мысли: ничему не поклоняться, ни с чем не обращаться как с квази-божеством, рассматривать все, что связано с человеком, — язык, человеческое сообщество, совесть и т.д., — как продукты времени и случая.

Жак Деррида (р. в 1930)

Французский философ, культуролог, литературовед. Он выступает против «логоцентризма», соединяющего логику и разум, и предлагает

создать новую грамматику, где будет разорвано единство звука и смысла. Он говорит, что с «логоцентризмом» нужно бороться так, чтобы говоря, ничего не сказать. Убийство тиранического разума можно совершить только с помощью притворства: нужно притвориться, что ты притворяешься быть разумным. (Поистине бред сумасшедшего).

4. Морис Мерло-Понти

Морис Мерло-Понти (1908—1961). Франция. В своих основных работах — «Структура поведения»(1942), «Феноменология восприятия» (1945), «Смысл и Бессмыслица» (1948), «Приключения диалектики» (1955), «Знаки» (1960), «Видимое и Невидимое»(1961) и др., основываясь на феноменологической методологии, подвергая при этом критике определение чистого сознания, симпатизируя марксистскому анализу исторической реальности, не принимая при этом экономического объяснения истории, М. Мерло-Понти создал свою версию «философии экзистенции», в 50-е гг. противопоставив ее экзистенциализму, сохранявшему, по мнению Мерло-Понти, метафизический, т. е. антитетический (противоречивый) способ постановки философских вопросов: либо в «идеалистической» традиции, рассматривающей любой объект как объект сознания; либо в «реалистической», понимающей сознание как продукт реальности. Мерло-Понти пытается преодолеть противопоставление свободы и необходимости, объективного и субъективного. Не случайно Мерло-Понти апеллирует к работам М. Мосса и других этнографов, обнаруживших относительность тех понятий и ценностей культуры, которые мы традиционно считаем универсальными и абсолютными. Особое значение придается «живому языку, существующему в языковом сообществе», который Мерло-Понти связывает с живым творческим речевым актом — «плавающее означающее», обнаруженное в первобытных культурах М. Моссом. Исследование лингвистических связей между людьми должно прояснить, по мысли Мерло-Понти, общий закон символических отношений в рамках единой истории. Мерло-Понти предлагает новое настроение: «понимания без принятия, свободы совести без шельмования» в политике и «множественности перспектив» в философии, — получившее у исследователей определение «философии двусмысленности», или «философии обращаемости понятий».

Жорж Батай

Жорж Батай (1897 — 1962) в своих художественных произведениях (под псевдонимами выходит целый ряд работ достаточно смелого содержания, например «Синь небес», «История глаза» и др.), в литературной критике (знаменитая «Литература и Зло» выходит в 1957 г.), в социально-политических исследованиях (например «Психологическая структура фашизма», 1933), в выступлениях о современном сюрреалистическом искусстве и философских работах обратился к проблеме границ допустимого и перехода, выхода за эти границы. Вокруг произведений Батая каждый раз разворачивалась острая дискуссия. Вызов, порыв — в противовес регулярности и определенности, — это традиционно рассматривалось как зло, однако, с точки зрения Ж. Батая, именно пределы и оказываются не

определены жестко ни человеческой культурой, ни человеческой психологией. Отталкиваясь от идей Бергсона, Ж. Батай сформулировал вывод о том, что проблема трансгрессии связана с внутренней неопределенностью, двусмысленностью и противоречивостью границ. Культура определяет границы, включая в это определение саму возможность нарушения этих границ.

Мишель Фуко (1926-1984)

Одним из первых французских философов, проделавших путь от структурализма к постструктурализму и, по сути, распространившим новое умонастроение за пределы Франции, был **Мишель Фуко**. Его жизнь стала примером перехода всех границ, характеризующих слишком стремительное освобождение от запретов, — он умер от СПИДа, которым он заразился в садомазохистских экспериментах (то бишь оргиях) в Сан-Франциско (США). С первых же работ 50-х гг. М. Фуко исследует различные способы психологического самовыражения человека — прежде всего воображаемое, сновидения и т. д. — как формы опыта, всегда связанные с «проговариванием» и «обозначением». Однако первой зрелой работой сам Фуко считал **«Историю безумия в Новое время»** (1961), в которой он выделяет специфическую область интересов, характерную практически для всех его исследований — историю «мутации» идей. Смысл каждой идеи, существующей в культуре определенного исторического периода, оказывается необходимо обусловлен всем контекстом функционирующих в данный момент смыслов, и его определенность формируется в виде значимой для этого культурного периода оппозиции: с точки зрения Фуко, для Нового времени характерна сформировавшаяся к XVII в. оппозиция **«безумие — рациональность»**.

Свой метод Фуко назвал «критической историей», поскольку в центре внимания оказываются исторические — мыслительные и культурные — предпосылки, условия появления той или иной идеи. Фуко использует слово «дискурс» (дословно — рассуждение) для обозначения соединения этих различных представлений в новом смысловом значении, закреплённом в языке. Грандиозный незавершенный проект Фуко — **«История сексуальности»** (было заявлено шесть томов, подготовлено оказалось четыре, из них издано три): «Воля к знанию» (1976), **«Использование удовольствий»** и «Печаль о себе» (1984), **«Свидетельства плоти»**, — предполагал поэтапное рассмотрение формирования западноевропейского «вождедеющего человека».

5. Ричард Рорти

Ричард Рорти родился в 1931 г. в Нью-Йорке. В последней четверти XX в. Рорти стал одной из знаковых фигур, воплотивших в себе новый облик современной философии. Его популярность объясняется тем, что он попытался занять наиболее широкую, понятную большинству позицию в философии и тем самым выразил наиболее общую тенденцию современной философской мысли. Его философия представлена в основном статьями,

единственная монография «Философия и зеркало природы», опубликованна в 1979 г.

Впервые Рорти как самостоятельный философ выступил в середине 60-х гг. со своим вариантом решения классической проблемы «сознание — тело». Общая логика рассуждений Рорти базировалась на том, что разделение «ментальное (духовное, умственное) и физическое» не может обнаружить своих оснований в самом опыте и, следовательно, может и должно искать их и, соответственно, путь своего разрешения в области языковой практики. Дилемма «ментальное» и «мозговые процессы» разрешалась Рорти однозначно в пользу языка нейрофизиологии, описывающего человеческие состояния в терминах нейронов и возбуждений коры головного мозга. Того, что привычно называется «ощущениями», просто не существует.

Книга «Философия и зеркало природы». в которой он предстает как уже сложившийся философ, полностью уверенный в избранной им линии философствования, определяемой им как прагматизм.

Он утверждает, что в процессе развития познания мы не переходим от старых решений к новым решениям проблем, а пересматриваем наше представление о самих проблемах. Он отказывается от строгих разделений между наукой и религией, наукой и политикой, наукой и искусством, наукой и философией и так далее». Рорти распространяет на все сферы культуры исторический подход, *настаивает на преодолении разделений на естественные и гуманитарные науки, а также на пересмотре прежних представлений о философии, которые отводили ей роль главного арбитра в решении всех научных споров и противоречий внутри культуры.* Вместо понятия об истине предлагается «социальное оправдание верования», «согласие между исследователями». Вообще нет единого критерия, который позволял бы философии или эпистемологии отделять оправданные верования от неоправданных.

Рорти, лишает философию права выступать в качестве некоего твердого фундамента наших знаний и нашей культуры в целом. Взамен философия должна выступить исключительно в терапевтической роли посредника между различными языковыми практиками и культурами. Это как раз то, чему, по мнению Рорти, учит современная герменевтика. Культура в целом — это поле, где сталкиваются самые различные языковые практики и словари, она не может выстраиваться по иерархическому принципу. Философия — это всего лишь «голос в разговоре человечества».

Никакого единого и нейтрального словаря для всех или единого универсально соизмеримого текста не может существовать. Развивая дальше эти мысли, Рорти вполне закономерно приходит к критическому отношению вообще к философии как особой профессии, которая выступает как конечная инстанция, «получающая верно факты и говорящая нам, как нам жить».

Солидаризируясь в целом с либерализмом философии Просвещения, как это явно следует из его сочинений, Рорти, однако, выступает против теоретических конструкций, на которых основывался либерализм Просвещения и гуманизм. Он отказывается от представления о некоей

человеческой природе, о человеческой самости как структуре с неким центром, сущностью или природой, для него человек — это скорее «гибкая система верований, желаний и убеждений, в произвольном порядке друг с другом сплетенных, как наборе атрибутов без субстрата-подлежащего, без центра». Опору либеральные институты должны находить не в интеллектуалах, теориях и словесных конструкциях, а в солидарности со своим сообществом. (Стадность) Современная либеральная демократия не нуждается в «представлениях о «разумной и нравственной природе», «естественных правах» и «достоинстве» человека», «апелляции к принципам солидарности и взаимной помощи вполне достаточно, чтобы продуктивно действовать». Предпосылкой и исходным пунктом формирования нравственного облика индивида является осознание им собственной принадлежности к определенному конкретно-историческому сообществу (или традиции), и такое представление не является «ни безответственным, ни социально вредным или опасным».

Свой этноцентризм, как откровенно называет его философ, Рорти противопоставляет космополитизму, представленному некой якобы нейтральной и научной культурологией, и сам ратует за космополитизм этноцентричный.

Рорти в книге «Случайность. Ирония. Солидарность» (1986) утверждает, что истины вовне нет, она принадлежит высказываниям и потому «там, где нет предложений, нет и истины». Мир не говорит. Говорим только мы на языке, который сами же и сотворили. Языковые тексты имеют отношение только к другим текстам (и так до бесконечности). Они не имеют никакого основания (ни божественного, ни природного) вне языка. Тексты включены в языковую игру и невозможно говорить об «истинном» их смысле, что обрекает на провал все попытки отыскать истину.

Рорти убежден, что «поскольку истина есть свойство предложений, поскольку существование предложений зависит от словарей, и поскольку словари делаются человеческими существами, постольку это верно и для истины» верно в том смысле, что истины творятся людьми. Формулируя такой вывод, Рорти демонстрирует свою приверженность американскому прагматизму, в частности, учению Дьюи, который объявлял все сущности номинальными и не признавал, что существует такая вещь, как «действительная природа», «действительная сущность».

Интуицию об истине следует «вырвать с корнем» из философии — таков главный тезис Рорти. Заявив, что не существует никакой, а тем более одной-единственной истины, постмодерн по сути признал господство в культуре принципа: «Все возможно!» Разрушены все иерархии, все становится равноценным: оккультизм, колдовство, естественные науки и т.д.

6. Деннет

Деннет родился в Бостоне в 1942 г. в семье историка. Он учился в Гарвардском университете, где стал бакалавром по философии в 1963 г. В 1965 г. в Оксфорде Деннет защитил докторскую диссертацию по философии, которая заложила основу для его первой книги — «Контент (содержание) и

сознание» (1969), содержащей проект всей его будущей системы. Деннет опубликовал ряд книг, принесших ему широкую известность в мире: «Мозговые штурмы: философские эссе о психике и психологии» (1978), «Пространство для движения: какая свобода воли нам нужна» (1984), «Интенциональная установка» (1987), «Объясненное сознание» (1991), «Опасная идея Дарвина: эволюция и смыслы жизни» (1995), «Виды психики: на пути к пониманию сознания» (1996), «Дети мозга: эссе о проектировании психики» (1998) и «Эволюционирующая свобода» (2003). На подходе книга «Разрушая чары», в которой Деннет попытается доказать неизбежность краха религиозного мировоззрения.

Вскоре после поступления в университет он озадачился проблемой соотношения ментального и физического. Дуализм духа и материи, провозглашенный Декартом, не мог устроить Деннета. Дух, ментальное, понял он, должны трактоваться так, чтобы не подрывать единство научного знания и универсальность физических законов. Но нельзя, считал Деннет, устранять дуализм, игнорируя ментальное или делая вид, что его вовсе не существует. Так поступали, к примеру, знаменитый бихевиорист Б. Ф. Скиннер и философ-аналитик У. Куайн. Он усвоил от них общий бихевиористский тезис о необходимости изучения психики «с точки зрения третьего лица».

Характерным свойством психического Деннет готов признать «интенциональность», т. е. нацеленность на предмет или смысл. На лингвистическом уровне эта нацеленность выражается «интенциональными идиомами» — «убежден», «желает» и т. п.

Изоморфизм (в д. случае - подобие) психической деятельности, реализуемой мозгом, и компьютерных программ, обнаруживающийся при рассмотрении этой деятельности «с точки зрения третьего лица», позволяет Деннету трактовать саму психику в компьютерном смысле. Психика — тоже своего рода программа или вычислительная активность мозга. Правда, в отличие от компьютерных программ, имеющих фиксированную логическую структуру, психические алгоритмы, считает Деннет, не поддаются однозначной интерпретации. Поэтому «убеждения и желания ... лучше всего рассматривать в качестве абстракций — больше похожих на центры гравитации или векторы, чем как индивидуализируемые конкретные состояния некоего механизма».

Эти различия, однако, не отменяют важного сходства, имеющегося между психикой и компьютерными программами, — их телеологичности, функциональности. Функциональность программ состоит в том, что они позволяют добиваться каких-то конкретных целей. Психика тоже служит конкретной цели — выживанию организмов и продолжению их рода. Деннет не спорит, что компьютерные программы имеют лишь «производную интенциональность». Иными словами, интенциональность вложена в них людьми, программистами. Но и сами люди обладают производной интенциональностью. В качестве их Программиста выступает «Мать Природа», а именно длительный процесс естественного отбора.

Дарвиновская теория эволюции является одной из основ теории психики у Деннета. Он пытается распространить принципы дарвиновского эволюционизма на культуру. В работе «Эгоистичный ген» (1976), разошедшейся по миру тиражом в миллион экземпляров и оказавшей громадное влияние на современную западную культуру, Доукинс предложил смотреть на эволюцию с точки зрения генов, а не организмов или видов, и трактовать живые существа как машины для сохранения генов, «заботящихся» только о своем успешном копировании. Он также провозгласил, что принципы дарвиновской теории эволюции независимы от их конкретных материальных воплощений, и могут быть реализованы на других носителях, в частности в сфере культуры.

Культурные аналоги генов Доукинс назвал «мемами». Примером мемов являются «мелодии, модные словечки и выражения, способы варки похлебки и сооружения арок» и т. п., в общем, любые «идеи», способные к реплицированию, т. е. пересаживанию из ума одного человека в ум другого. Как и гены, мемы имеют неодинаковую способность к выживанию и могут мутировать при копировании. Но главная польза концепции мемов, по Деннету, состоит в том, что она помогает уточнить природу человеческого сознания. Правила для этой виртуальной машины, собственно, и задаются мемами, своего рода культурными программами, в числе которых оказываются, в частности, этические кодексы.

Учение о сознании изложено в одной из самых интригующих его работ — «Объясненном сознании». Главной мишенью Деннета выступает метафора «картезианского театра», места, где «все сходится вместе» в сознании. Признание такого места означало бы либо допущение особой духовной сущности в теле, что восстанавливало бы дуализм, либо впадение в «картезианский материализм», предполагающий существование некоего участка мозга на «водоразделе» его входящих и исходящих импульсов (в том числе вербальных), являющегося местопребыванием сознания. Нейронаука, однако, доказывает, что такого места в мозге просто не существует. Это значит, что «картезианский театр» — не более чем иллюзия. В сознании отсутствует подлинный центр, и в мозге нет Зрителя или Толкователя. (Поиски Души и Бога)

7. Джон Сёрл

Джон Сёрл родился в Денвере (штат Колорадо) в 1932 г. С 1949 по 1952 г. он учился в университете Висконсина, а затем поступил в Оксфорд, где оставался до 1959 г. В том году он защитил докторскую диссертацию, вернулся в США и обосновался в университете Беркли, где он работает уже более четырех десятилетий. В 1967 г. Сёрл стал профессором этого университета и через два года выпустил свою первую книгу «Речевые акты: эссе по философии языка». За ней последовал ряд других монографий и сборников статей, в том числе «Выражение и значение: исследования по теории речевых актов» (1979), «Интенциональность: эссе по философии сознания» (1983), «Психика, мозг и наука» (1984), «Открывая сознание заново» (1992), «Конструирование социальной реальности» (1995), «Тайна

сознания» (1997), «Сознание и язык» (2002), «Психика: краткое введение» (2004). Следует также особо отметить работу 1998 г. «Сознание, язык и общество, философия в реальном мире», в которой Серл попытался объединить главные темы своих изысканий.

Рассуждения Серла о субъективной природе социальной реальности встроены в более широкий контекст создания им унифицированной онтологической картины мира. Трудность этой задачи, по его мнению, состоит в том, что хотя «фундаментальнейшие черты мира описываются физикой, химией и другими естественными науками», в нем есть громадное множество фактов, которые не относятся к естественным наукам. Социальная реальность, как показывает Серл, не может быть названа объективной реальностью, и она зависит от ментальных состояний человеческих субъектов.

Главная проблема, однако, в том, как объяснить отношение самих ментальных состояний к миру атомов и молекул. Впрочем, Серл не считает ее очень сложной. Он полагает, что сознательные ментальные состояния каузально порождаются мозгом и реализуются в нем. Такой подход позволяет Серлу говорить о сознании как естественном биологическом феномене. Таким образом, заключает Серл, социальная реальность, речевые акты и фундирующие их ментальные состояния могут быть органично встроены в физическую картину мира.

Дэвид Чалмерс

Преодолеть недостатки теории сознания Серла и компьютерно-функционалистского подхода к психике посредством радикального объединения их сильных сторон попытался Дэвид Чалмерс. Книгу Чалмерса «Сознающий ум» (1996), в которой изложена эта теория, обозначенная ее автором как «натуралистический дуализм», многие восприняли как прорыв в изучении сознания. Серл, однако, объявил эту работу «нагромождением путаницы» и коллекцией абсурдов. Надо признать, что, исходя из правдоподобных посылок и добросовестно развивая их, Чалмерс действительно пришел к шокирующим выводам о существовании примитивных форм сознания у компьютеров, термостатов и вообще у всего. Долгое время он, правда, утверждал, что по крайней мере одна из аксиом здравого смысла («установок по умолчанию») отвергается им. Речь идет о существовании личности как чего-то отличного от тела.

8. Пинкер

Пинкер (в апреле 2004 г. журнал Time включил его в сотню самых влиятельных людей мира). Пинкер родился в 1954 г. в Монреале. Он получил степень бакалавра по экспериментальной психологии в университете Мак-Гилл в Монреале в 1976 г. и докторскую степень в 1979 г. в Гарвардском университете. С 1982 по 2003 г. Пинкер работал в Массачусетском технологическом институте, а в 2003 г. стал профессором кафедры психологии в Гарварде.

Пинкер в 1997 году издал книгу «Как работает сознание» быстро ставшую бестселлером. В 2002 г. Пинкер выпустил еще более масштабный

труд «Чистая доска. Человеческая природа мыслится Пинкером как своего рода прецизионный ментальный агрегат, состоящий из множества разнородных механизмов и тонко настроенный на изначальное естественное и социальное окружение человека. Платой за такую специализацию оказывается, однако, энигматичность основ сознания и наличие других «вечных загадок», перед которыми останавливается наш разум. Ведь разум — один из ментальных механизмов. Он тоже имеет алгоритмическую, «вычислительную» природу и предназначен для правилосообразного объединения смысловых элементов. Поэтому он не в состоянии схватывать «холистские» (целостные), «безумно простые» вопросы, имеющие отношение не к суммированию элементов, а к самим элементам. К таким вопросам как раз и могут быть причислены традиционные проблемы философии — сознание-тело, природа личности, свобода воли, референция, универсалии и долженствование. При рассмотрении таких проблем разум напоминает беспомощно распластанную по земле птицу с роскошными крыльями. Итак, загадка сознания и другие «вечные вопросы», считает Пинкер, по всей видимости, должны оставаться без ответа.

Позитивную теорию человеческой природы Пинкер предваряет критическим разбором популярных мифов о человеке, бытующих в академической среде, но подчас открыто противоречащих здравому рассудку. Главной мишенью для Пинкера выступает так называемая Стандартная социальная научная модель (ССНМ), доминировавшая в гуманитарных дисциплинах XX столетия. По этой модели поведение человека, в отличие от животных, «определяется культурой, автономной системой символов и ценностей». Культуры допускают самые широкие вариации и могут формировать человека в нужном направлении. Биологические ограничения для подобного воздействия, согласно стандартной модели, незначительны: дети, «рождаясь, не имеют почти ничего, кроме нескольких рефлексов» и недифференцированной «способности к обучению»; они «постигают свою культуру через обучение, поощрение и наказание и ролевые модели». Ядро этой схемы, разновидностями которой являются марксистская теория сущности человека как совокупности общественных отношений, гендерный феминизм с его концепцией «ролевой» природы пола и другие концепции, может быть выражено старой формулой: человек — это «чистая доска», заполняемая внешними воздействиями.

Помимо мифа о «чистой доске» «сакральный статус в современной интеллектуальной жизни», отмечает Пинкер, получили и два других заблуждения, а именно теория «благородного дикаря» и концепция «духа в машине». Пинкер пытается фальсифицировать эти теории фактами. Благородные дикари существуют только в воображении. Реальные оценки уровня насилия в различных сообществах показывают тенденцию его снижения с развитием цивилизации. Не является человек и «чистой доской», причем врожденными, т. е. не определяемыми средой, являются не только общие способности, но и ряд индивидуальных характеристик,

что подтверждается, в частности, значительным психическим сходством выросших раздельно близнецов. Сложность человеческой природы делает ненужным допущение особой духовной сущности, управляющей человеческими поступками.

Пинкер трактует психику не в субстанциальном смысле, а как результат деятельности мозга. Человеческий мозг — орган, сформировавшийся в результате эволюции как особое устройство по обработке информации. Соответственно, и психика должна рассматриваться в качестве «системы вычислительных органов, спроектированных естественным отбором для решения тех типов задач, с которыми сталкивались наши предки в своей первобытной жизни». Каждый ментальный орган, или модуль, полагает он, имеет свою особую внутреннюю архитектуру и назначение. «Базовая логика» любого модуля определяется нашей генетической программой. Подзадачи, которые решал тот или иной модуль у наших предков, являлись частью «одной большой проблемы для их генов — максимизирования числа копий, передаваемых следующему поколению».

Соответственно, одной из главных задач при изучении ментальных модулей должна, по Пинкеру, стать процедура «обратной инженерии», позволяющая ответить на вопросы, «когда и почему» они возникли. Подобные исследования кажутся попытками возродить телеологический подход к изучению человека. Но с этой точки зрения поиски ответов на вопрос: «Для чего?», выглядят нелепыми и даже анекдотичными. Пинкер понимает эти опасности. Он сам приводит примеры псевдоэволюционистской обратной инженерии: «Какой цели служит музыка? Почему эволюционировало счастье? Какова функция юмора? и т. п. Слабость этих объяснений в скудной фактологической базе и в том, что они опираются на предпосылки, которые сами нуждаются в объяснении.

Пинкер допускает существование в человеческой психике следующих основных модулей, или «семей инстинктов»: язык, восприятие, интуитивная механика, интуитивная биология, числа, ментальные карты для больших территорий, выбор места обитания, инстинкты, связанные с опасностью, пищей, заражениями и болезнями, наблюдение за своим состоянием, интуитивная психология, база данных на отдельных личностях, самопознание, справедливость, родство, половое партнерство.

Пинкер считает большой ошибкой абсолютизировать ценности культуры, придавать чрезмерное значение национальным культурным различиям и т. п.

Пинкер показывает, что «моральное чувство», трактуемое им как совокупность альтруистических эмоций, таких как стыд, сострадание, справедливость и т. д., как и другие компоненты человеческой природы, является продуктом эволюции. Альтруизм является выгодной приспособительной тактикой. Но это не значит, что мораль можно отождествить со скрытой формой эгоизма.

Существование единой человеческой природы дает возможность говорить об универсальных ценностях, общих всему человечеству. Генетически детерминированные сходства между людьми, подчеркивает Пинкер, значительно превосходят наследственные различия между ними. Тем не менее эти различия вполне реальны. Пинкер призывает не отворачиваться от реальности, а смотреть ей в глаза. Такая честная политика должна принести свои плоды. Он оптимистично оценивает будущее человечества. Интеграция культур уже привела к расширению сферы приложимости морального чувства индивидов, изначально охватывавшего только их ближайшее окружение, на всех людей, живущих на Земле. Сотрудничество и уважение прав других постепенно вытесняют агрессивную конкуренцию и ненависть между народами. (Мое. Глобализация на Б. Востоке и Африке? ! Ха-Ха)

Философия, по Пинкеру, может способствовать всем этим процессам, но лишь в том случае, если она будет не умножать мифы, а расчищать поле для все более масштабных эмпирических исследований человеческой природы и сводить воедино их результаты. И не надо бояться, считает он, что материалистическая теория человека приведет к утрате представления о его достоинстве и обесмыслит наше существование. Наоборот, отказ от фантома духовной сущности, поселяющейся в теле человека и сохраняющейся после его распада, научает нас ценить каждое мгновение своей жизни. (Превратит людей в номадические сингулярности)

Литература

1. *Лиотар Ж. Ф.* Ответ на вопрос: что такое постмодерн? // *ad Marginem*. М., 1994.
2. *Фуко М.* Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. М., 1977; 2-е изд. СПб., 1994.
3. *Фуко М.* Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М., 1996.
4. *Фуко М.* Археология знания. К., 1996.
5. *Мерло-Понти М.* В защиту философии. М., 1996.
6. *Деррида Ж.* Позиции. К., 1996.
7. *Деррида Ж.* О грамматологии. М., 2000.
8. *Кристева Ю.* Силы ужаса. СПб., 2003.
9. *Делёз Ж., Гваттари Ф.* Что такое философия? СПб., 1998.
10. *Делёз Ж.* Различие и повторение. СПб., 1998.
12. *Ильин И. П.* Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М., 1996.
13. *Рорти Р.* Случайность, ирония и солидарность. М., 1996.
14. *Рорти Р.* Философия и зеркало природы. Новосибирск, 1997.
15. *Рорти Р.* Обретая нашу страну: Политика левых в Америке XX века. М., 1998.
16. *Рорти Р.* Философия и будущее // *Вопросы философии*. 1994. № 6. С. 29-34.
17. *Рорти Р.* Прагматизм без метода // *Логос*. 1996. № 8. С. 155— 172.

18. *Рорти Р.* Постмодернистский буржуазный либерализм. // Джохадзе И. Неопрагматизм Ричарда Рорти. М., 2001. С. 199-210.
19. *Философский прагматизм Ричарда Рорти и российский контекст.* М., 1997.
20. *Деннет Д.* Виды психики: на пути к пониманию сознания. М., 2004.
21. *Деннет Д.* Постмодернизм и истина. Почему нам важно понимать это правильно // Вопросы философии. 2001. № 8.
22. *Хофштадтер Д., Деннетт Д.* Глаз разума. Фантазии и размышления о самосознании и о душе. М., 2003.
23. *Дубровский Д. И.* В «Театре» Дэниэла Деннета (по поводу одной популярной концепции сознания) // Философия сознания: история и современность. М., 2003. С. 196-208.
24. *Юлина Н. С. Д.* Деннет о проблеме ответственности в свете механистического объяснения человека // История философии. № 8. М., 2001.
25. *Юлина Н. С.* Дэниел Деннет: самость как «центр нарративной гравитации» или почему возможны самостные компьютеры // Вопросы философии. 2003. № 2.
26. *Юлина Н. С. К.* Поппер и Д. Деннет: архитектура сознания согласно «открытой» и «закрытой» Вселенной // Философия сознания: история и современность. М., 2003. С. 208-216.
27. *Серл Дж.* Открывая сознание заново. М., 2002.
28. *Сёрль Дж.* Рациональность в действии. М., 2004.
28. *Грязнов А. Ф.* Джон Сёрл и его анализ субъективности // Серл Дж. Открывая сознание заново. М., 2002. С. 7 —10.
29. *Дубровский Д. И.* Новое открытие сознания? // Вопросы философии. 2003. № 7.
30. *Золкин А. Л.* Аналитическая и герменевтическая философия языка. М., 2000. С. 237-257.